

М. Б. СВЕРДЛОВ ОБ ОБЩЕМ И ОСОБЕННОМ В ИСТОРИИ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация: В данной работе рассматриваются взгляды М. Б. Свердлова на историю Средневековой Руси прежде всего с точки зрения наличия в ее развитии общего и особенного по отношению к европейским странам. Автор приходит к выводу, что М. Б. Свердлов демонстрирует взвешенное отношение к решению этого сложного вопроса, с учетом как общих тенденций исторического развития, так и особенностей его в русских условиях. И в этом заключается одна из причин интереса в современной отечественной исторической мысли к трудам данного ученого.

Ключевые слова: М. Б. Свердлов, Киевская Русь, домонгольский период, феодализм.

Проблема соотношения общего и особенного находилась в центре внимания отечественной общественно-исторической мысли по крайней мере с эпохи Просвещения. Не удивительно, что всякое комплексное исследование по истории отечественного средневековья и нового времени так или иначе сталкивалось с ней. В шестидесятые – семидесятые годы прошлого века, когда происходило становление М. Б. Свердлова в качестве историка, и начиналась его исследовательская деятельность, в отношении к данной проблеме были заметны изменения. Так, до семидесятых годов она была уже на периферии внимания и в большей степени виделась как философско-историческая, восходящая к проблеме категорий общего и особенного в историческом процессе. Это было не случайно. Принятая в исторической науке советского времени формационная метатеория утверждала идею единства исторического процесса как закономерной, прогрессивной и революционной смены общественно-экономических формаций и

видела феодализм в качестве одной из таких формаций. В отличие от предыдущей формации, рабовладельческой, распространение которой ограничивалось цивилизациями Востока и античности в древности, данная формация рассматривалась как по существу универсальная. Признавались при этом отдельные ее варианты, причем, по мере развития советской исторической мысли, вариативность феодальной формации указывалась всё более четко и определенно для разных стран.

С конца шестидесятых годов положение в этом отношении стало меняться. Связано это было с двумя заметными явлениями в отечественной историографии, относящимися к средневековью. Это были труды А. Я. Гуревича о феодализме в странах Западной Европы и о категориях средневековой культуры и монографии И. Я. Фроянова о экономическом и политическом строе Киевской Руси. В этих исследованиях на большом фактическом материале не только ставился вопрос о соотношении общего и особенного в западноевропейском и русском средневековье, но и происходил дальнейший сдвиг в сторону признания особенного как определяющей характеристики общественных отношений в этих странах. Так, А. Я. Гуревич обращал внимание на то, что основополагающая для характеристики средневековых отношений теоретическая концепция феодализма не универсальна сама по себе. Это лишь «"модель", сконструированная, однако, не столько на основе обобщения широкого круга данных, сколько путем возведения в норму конкретного материала, полученного прежде всего из изучения истории одной области Франции за не слишком определенный и краткий отрезок средневековья». Другие же страны, в том числе части самой Франции за

пределами территории между Луарой и Рейном, «оттесняются в разряд стран с феодализмом "неклассическим", "нетипическим"»¹. Замечание основывалось не только на обобщении фактического материала. Оно имело методологическое значение, поскольку в нем сама категория общего рассматривалась как один из вариантов особенного, в силу определенных причин возведенная на уровень общего и закономерного варианта развития явления. При этом страны с вариантом «неклассическим» и «нетипическим» также повторяли в своем развитии главные черты классического варианта данной формации.

В трудах И. Я. Фроянова имел место определенный пересмотр ставшей традиционной для советской историографии концепции феодализма в Киевской Руси. Еще в докторской диссертации, защищенной им в 1973 г., он выдвинул ряд положений, меняющих представление о характере социально-экономического строя восточного славянства и Руси. Он подчеркивал многоукладный характер древнерусского общества. Признавая наличие укладов, соответствовавших характерным признакам формационных отношений, он указывал, что еще «со времен антов», то есть в первые века новой эры, у восточных славян «в недрах первобытного строя зарождается рабовладельческий уклад». Но со второй половины X в. он видел «перелом в развитии рабства на Руси, обусловленный возникновением частного землевладения». Это привело, по его мнению, в XI в. к укреплению рабовладельческого уклада. Новым явлением он видел «примерно со второй половины XI в.» «феодальный уклад». Но феодальный уклад был, как подчеркивал И. Я. Фроянов, еще слаб, он «уступал рабовладельческому». Однако в вотчине со второй половины XI в. он уже видел сочетание рабовладельческих и феодальных элементов. При этом, по его словам, «подавляющая масса земледельческого населения Киевской Руси являлась свободной». Отсюда следовали его два

главных вывода. Во-первых, «в Древней Руси и рабовладельческий уклад, и феодальный решительно проигрывали по сравнению с общинным укладом». Их распространение в XI–XII вв. «напоминало островки, затерявшиеся среди свободного крестьянского хозяйства, господствовавшего в экономике той поры». Но, во-вторых, при всей слабости феодального уклада, «его можно считать ведущим, поскольку ему принадлежало будущее»². Такой характер социально-экономических отношений породил определенные формы управления. Тенденцией в развитии этих форм И. Я. Фроянов видел переход от племен, через племенные союзы и суперсоюзы, и «установление власти киевских князей над племенными союзами восточных славян»³. Он указывал на наличие в отношениях между князьями признаков сюзеренитета-вассалитета, но боярский вассалитет по отношению к князьям считал слабым. Он отрицал также существование вотчинно-сеньориального режима на Руси и признавал «весьма активную роль» народа «в социально-политической жизни Киевской Руси»⁴. Вечевые собрания, по его мнению, играли в жизни страны значительную роль, и благодаря им «народ влиял на ход политической жизни в желательном для себя направлении»⁵.

Таким образом, в развитии научной исторической мысли того времени была четко сформулирована позиция, согласно которой общее и особенное находятся между собой в единстве и сложном взаимодействии. При этом особенности выступают как результат исторического анализа, тогда как понятие об общем является результатом обобщения фактического материала, относящегося к разным объектам исследования, и связано с комплексом логических операций, в ходе которых выделяются главенствующие признаки явлений и процессов. При этом А. Я. Гуревич

¹Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 10.

²Фроянов И. Я. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 293-294.

³Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 22.

⁴Там же. С. 149.

⁵Там же. С. 184.

указал на разные смысловые наполнения понятия о феодализме, когда феодализм можно было понимать как явление, ограниченное очень узкими хронологическими и территориальными рамками. Такой точки зрения историк в то время всё-таки еще не принимал. И. Я. Фроянов нисколько не отрицал универсальность феодализма. Но в Киевской Руси он видел феодализм только в качестве уклада, не занимавшего сколько-нибудь значительной роли в жизни общества, однако уклада исторически перспективного. Это выходило за рамки утвердившейся к тому времени в советской историографии концепции о начале феодализма на Руси с X и даже с IX в., начиная с Рюрика.

Поэтому с семидесятых годов вопрос об общем и особенном в русской истории получил свою конкретизацию не в рамках вопроса о русском феодализме вообще. Вопрос встал о времени формирования русского феодализма и о Киевской Руси как о феодальном или дофеодальном обществе. В данном случае произошло то, что проблема общего и особенного в русской истории как предельно общая конкретизировалась, но сохранилась в рамках более частного, но принципиально важного вопроса. Тем более актуальность его обострялась в связи с формированием не только концепции И. Я. Фроянова о дофеодальном и общинном строе на Руси, но и в то же самое время В. И. Горемыкиной о Киевской Руси как об обществе рабовладельческом (делавшей вывод, что социальная структура Киевской Руси была «типична для рабовладельческих государств»⁶, причем на своей ранней стадии).

Между тем концепция, согласно которой Киевская Русь была обществом на ранней стадии феодальной формации, сохранялась. М. Б. Свердлов выступил в это время как один из наиболее активных защитников этой концепции, со своей глубоко продуманной аргументацией. Она включала в себя такие вопросы, как анализ генезиса на Руси раннеклассового

общества, вопрос о формах организации семьи и общины, общая структура феодального хозяйства на Руси и структура класса феодалов. При этом хронологические рамки для феодального хозяйства и класса феодалов он определял как XI – первую треть XIII вв. Но на образование государства на Руси М. Б. Свердлов смотрел как на процесс, уходящий в значительно более ранний период восточнославянской истории. Выделение четырех этапов в его развитии – племенных княжений, образования первоначального ядра будущего государства – Русской земли, формирования первых государственных образований, южного и северного, и, наконец, образования Киевского государства⁷, отражало глубоко продуманный и исторический подход М. Б. Свердлова к этому очень сложному вопросу.

Что же касается исследования социальных структур древнерусского общества, то обращает на себя внимание ярко выраженное стремление М. Б. Свердлова к выявлению того, как процессы формирования новых экономических отношений и социальных связей воспринимались в сознании самого изучаемого общества. Методология исследования сознания общества была избрана историком с опорой на принцип лингвизма, который уже получил к восьмидесятым годам признание в западноевропейской исторической науке, но который вызывал также повышенный интерес среди отечественных историков. Его выражением стал внимательный анализ лингвистического материала, такого, как терминология источников, которая встречается в документах. М. Б. Свердлов использовал сопоставление лексики из русских источников, прежде всего из историко-правовых, с лексикой из других языков. Это были языки не только славянские, но и германские, греческий и арабский язык. Такой подход позволял не только установить происхождение слов, обозначающих социальные понятия. Он давал возможность выявить параллельные процессы на Руси и в других странах,

⁶Горемыкина В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970. С. 73.

⁷Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 29.

находившихся на примерно той же стадии развития. Такие процессы давали ему основание признать правомерным употребление в советской историографии специфически западноевропейского понятия домена, обозначавшего «наследственные земельные владения короля в Западной и Центральной Европе», к княжеским владениям в период раннего русского средневековья⁸. Еще одним указанием его на общие явления в общественной и культурной жизни западных раннесредневековых обществ и Руси был вывод о возможности признания деревянных укрепленных построек русских феодалов замками. Со ссылкой на исследование П. А. Раппопорта, он указал, что и в западноевропейских странах до XII в. замки тоже были нередко деревянными. Но главное, по мнению М. Б. Свердлова, было не в строительном материале, а в функциональном назначении этого сооружения, поскольку признаки замка – «укрепленное жилище феодала, крепость и резиденция одновременно»⁹. В целом такой вывод в дореволюционной и в советской историографии не принимался. Но, возможно, что отрицание существования замков в Киевской Руси также не вполне точно и справедливо.

Но такие параллельные процессы М. Б. Свердлов выявлял не только методом лингвистического анализа, но и при опоре на сравнительно-историческое исследование процессов общественного развития и в становлении властных структур и их основы в форме концентрации земельной собственности. Говоря о формировании феодальной собственности на землю как собственности государства, сложившейся в результате окняжения земли, М. Б. Свердлов проанализировал аналогичные процессы в Норвегии на материалах саг о Харальде Прекрасноволосом. Он обращал внимание на то, что «в сознании древних норвежцев верховная собственность государства (персонифицированного в короле) на землю связывалась с политической централизацией, установлением государственного аппарата,

взиманием податей и повинностей»¹⁰. Аналогичный процесс он видел в развитии Руси. Но наличие государственной эксплуатации лично свободных крестьян отмечалось, указывал он, и в странах Западной Европы. И вообще, делал вывод М. Б. Свердлов, «верховная собственность государства на землю является определяющей чертой раннего феодализма»¹¹. Таким образом, в подобном характере собственности он видел уже не особенность общественных отношений на Руси на стадии раннеклассового общества, но явление, общее для данной стадии, которое проявлялось в разных странах. Но при этом он четко указал на особенность поземельных отношений на Руси по сравнению со странами Западной Европы. Западный феодализм, складывавшийся в условиях синтеза разлагавшихся рабовладельческих отношений на территории Западной римской империи и разлагавшихся первобытных отношений среди завоевателей, германских варваров, оказался под воздействием развитых отношений крупной земельной собственности. К таким формам крупной земельной собственности он отнес крупное римское землевладение, королевский домен и церковное землевладение. На Руси вотчины были невелики. Это, как указывал М. Б. Свердлов, было наличие дворов у «служилой и племенной знати, и, возможно, сел»¹².

С меньшей четкостью М. Б. Свердлов видел общность в организации господствующего класса феодалов на Руси и в западноевропейских странах. К главным признакам этой организации в историографии относились отношения сюзеренитета-вассалитета. Вплоть до трудов Н. П. Павлова-Сильванского наличие на Руси этих отношений отрицалось. Н. П. Павлов-Сильванский сделал вывод о наличии признаков сюзеренитета-вассалитета в Киевской Руси¹³. В советской историографии середины шестидесятых годов четко заявил о

¹⁰ Там же. С. 84.

¹¹ Там же. С. 83.

¹² Там же. С. 87.

¹³ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 95-109.

⁸ Там же. С. 106.

⁹ Там же. С. 114.

наличии признаков сюзеренитета-вассалитета на Руси и о признании существования этих отношений в раннем русском средневековье В. Т. Пашуто. По его словам, вассальная служба «была организована по нормам закона – Правды, согласно которой все категории вассалов – братья, сыновья, сыновцы, будь они ротники или подручники, знали свое место в феодальной иерархии»¹⁴. М. Б. Свердлов признавал существование в Киевской Руси сюзеренитета-вассалитета и вассальной иерархии. Формирование вассальных отношений он прослеживал еще в X в. и отмечал: «Племенные князья должны были, лишаясь своих княжеств, поступать на вассальную службу киевской княжеской династии или они уничтожались»¹⁵. На признание им этих отношений указывает его упоминание о том, что между боярами «великими» и «меньшими» «складывались, вероятно, отношения субвассалитета». Он приводит рассказ о ростовском тысяцком Георгии Симоновиче, который около 1130 г. послал «единого отъ боярь своихъ сущих под нимъ, Василя»¹⁶. Дружинники несли «личную вассальную службу князю»¹⁷, что составляло одну из сторон дружинной жизни. О княжеском вассалитете он не упоминал, но указывал на признаки этих отношений. По его мнению, постановление Любечского съезда князей 1097 г. вводило принцип, по которому «каждо да держитъ отчину свою», и этот принцип «оставлял место политической иерархии князей, но подчеркивал их полную суверенность внутри собственных владений»¹⁸. Между тем, отношения, построенные на принципе иерархии, и сюзеренитет в своих владениях были вполне типичны для сюзеренитета-вассалитета. Сюзеренитет-вассалитет составлял

существенную черту общности в отношениях внутри феодального сообщества на Руси и в западноевропейских странах.

По мнению М. Б. Свердлова, И. Я. Фроянов преувеличивал роль вечевых собраний в политическом устройстве Руси. Как отмечал М. Б. Свердлов, уже в IX–X вв. «простое свободное население было лишено права участвовать в политическом управлении государством»¹⁹. Вече «в качестве органа феодального государственного управления» было распространено только «на северо-западе Руси», причем вывод В. Л. Янина и М. Х. Алешковского «о новгородском вече как административном органе боярской олигархии» был вполне обоснован²⁰. Он тем самым не видел сохранения в Киевской Руси признаков народовластия как существенной особенности ее положения по сравнению с западноевропейскими странами, где феодальный строй и феодальная система управления достигли уже своей развитой стадии.

К наиболее существенным особенностям устройства русской власти и управления в историографии нередко относят режим вотчинного государства. Вывод о существовании его в Московской Руси делал еще К. Д. Кавелин, который при характеристике Ивана Калиты указывал, что его «небольшая княжеская вотчина через столетие выросла в Московское государство». По словам К. Д. Кавелина, этот князь уже был «в полном смысле князь-вотчинник и смотрел на свои владения как на собственность»²¹. Признаком такого государства было соединение поземельной собственности его как владельца в отношении своей вотчины и государственной власти в его руках. «Тип вотчинновладельца, полного господина над своими именьями, лежит в основании власти московского государя»²², – указывал он. Такая особенность, по мнению

¹⁴Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 53.

¹⁵Свердлов М. Б. Историография, теория и практика изучения истории Руси VI–XIII вв. Саратов, 2002. С. 55.

¹⁶Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. С. 199.

¹⁷Там же. С. 228.

¹⁸Там же. С. 194.

¹⁹Там же. С. 56.

²⁰Там же. С. 54.

²¹Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 45.

²²Там же. С. 48.

фактически всех исследователей этого режима, негативно сказывалась на положении народа в государстве. Наиболее четко эту мысль за последнее время выразил И. П. Ермолаев, утверждавший, что в таком государстве «нет ни официальных ограничений политической власти, ни законопавия, ни личных свобод, т. е., фигурально говоря, это более "деспотическое государство", чем сама "деспотия"»²³. Но, справедливо указывая на такое явление, исследователи не вполне выделяли его исторические корни, уходившие еще в киевский период русской истории. М. Б. Свердлов четко указывал на такие предпосылки, которые были связаны со всем ходом развития русского общества, с процессом постепенного оседания княжеской дружины на землю, с формированием и развитием княжеской вотчины и начал государственного управления. Он отмечал, что уже во второй половине XII – начале XIII вв. «усилились тенденции к совмещению военных и служилых функций, которые выразились в перерождении дружины, в широком привлечении слуг княжеского двора в аппарат административно-судебного управления и в наделении их военными функциями»²⁴. Имело место «предоставление военных и судебно-административных должностей княжеским кормильцам, меченосцам, печатникам и др.»²⁵. Следовательно, предпосылки такой особенности Московского государства, существовавшей веками, были заложены, согласно М. Б. Свердлову, еще в домонгольский период.

В целом в процессе формирования раннефеодального общества на Руси и его структуры проявлялось, согласно М. Б. Свердлову, «единство исторического процесса развития феодальной общественно-экономической формации в Европе»²⁶.

Что же касается более позднего исторического периода отечественной истории, который приходился на время объединения русских земель в XIV–XV вв., то, как отмечал М. Б. Свердлов, «путь исторического развития» страны был «общеευропейский». Но, тем не менее, этот путь был «во многом отличающийся от западноевропейских стран». Причиной он видел «воздействие особых экономических и общественно-политических обстоятельств этого периода». Главным, на взгляд М. Б. Свердлова, являлось то, что города «являлись слабыми экономическими центрами». Отсюда «русские земли оставались еще на средневековой стадии исторической эволюции»²⁷. Подобная мысль согласуется с анализом уровня развития городов на Северо-Востоке Руси в советской историографии. А. М. Сахаров указывал на отставание в своем развитии городов Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв., что давало основания для выделения иных предпосылок объединения русских земель, чем это было в странах с более благоприятными условиями развития²⁸. За последнее время в еще более определенной форме эта мысль была высказана С. М. Каштановым с четкой аргументацией об отставании России от западноевропейских стран не менее чем на 7–8 веков²⁹. В таком несоответствии между общими явлениями в историческом развитии русских земель и их хронологическом несоответствии с тем, как проявлялся во времени «общеευропейский» путь исторического развития, М. Б. Свердлов видел особенность исторического развития формировавшегося в XIV–XV вв. Московского государства.

Со временем в центре внимания М. Б. Свердлова оказалась историография изучения Киевской Руси. Среди ее проблем он отмечал также вопросы, относившиеся к соотношению общего и особенного в древнерусской истории. Он остро

²³Ермолаев И. П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань, 2004. С. 11.

²⁴Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. С. 211.

²⁵Там же. С. 211–212.

²⁶Там же. С. 229.

²⁷Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 39.

²⁸Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959. С. 231, 234.

²⁹Каштанов С. М. Московское царство и Запад: Историографические очерки. М., 2015. С. 440.

отреагировал на критику концепции Б. Д. Грекова о феодализме в Киевской Руси, которая начинала проявляться еще среди сторонников концепции феодальной Руси в киевские времена, когда стремились найти дополнительное подкрепление для вывода о наличии в то время феодальной земельной собственности и ее форм. Тем более она развернулась после того, как И. Я. Фроянов сделал вывод об отсутствии феодализма в Киевской Руси как господствующей общественно-экономической формации. При этом за последнее время нередко указывалось, что концепция феодализма в Киевской Руси Б. Д. Грекова способствовала утверждению догматизма. М. Б. Свердлов это решительно отрицал и подчеркивал, что формирование этой концепции в тридцатые годы являлось как раз не выражением известных тенденций к догматизму в отечественной исторической науке, но, напротив, сопротивлением этой тенденции. В соответствии же с данной тенденцией было применение «догматической схемы последовательности общественно-экономических формаций» к истории Киевской Руси, когда на смену первобытной формации должна была следовать формация рабовладельческая. К сторонникам такой последовательности в то время он относил И. И. Смирнова, позже А. В. Шестакова и П. П. Смирнова, которые критиковали Б. Д. Грекова «за "несоответствия" марксистской теории» и за недооценку значения рабства на Руси, имея в виду новейшие "указания" И. В. Сталина»³⁰. То же самое относилось к сторонникам концепции «дофеодального периода» – С. В. Бахрушину, Н. Л. Рубинштейну, С. В. Юшкову. В этот период, относившийся ими к X – первой половине XI вв., они на Руси «видели основное направление движения к феодальным отношениям через рабовладение»³¹. Таким образом, как отмечал М. Б. Свердлов, в концепции феодализма в Киевской Руси проявилось четкое представление Б. Д. Грекова о существенных особенностях ее

исторического развития по сравнению со странами, находившимися в сфере культуры античного мира и проходившими в своем развитии рабовладельческую формацию.

Еще одной нетрадиционной для М. Б. Свердлова темой, затронутой им за последнее время, явилось «формирование россиянина Нового времени»³². Ее не традиционный для научного творчества М. Б. Свердлова характер не в хронологических рамках, поскольку вопросы культурной истории русского нового времени им так или иначе затрагивались при рассмотрении в отечественной исторической мысли вопросов истории раннего русского средневековья. Он выражается в том, что в подобной постановке проблемы М. Б. Свердловым проявился ярко выраженный современный культурно-антропологический подход к научному историческому познанию, в полном соответствии с представлением о человеке в обществе как о главном объекте исторического исследования. Конечно же, такой подход связан с проблемой общего и особенного в российской истории, поскольку в процессе европеизации культуры страны происходило формирование облика нового человека, который усвоил начала западной культуры и вписался в нее, становился тем самым частью общеевропейской культурной среды. Процесс усвоения культуры Нового времени, которая была западноевропейской культурой, М. Б. Свердлов показал путем анализа собственноручных записей Петра I. «Активная, насыщенная самыми различными событиями жизнь Петра Великого с юности до последних дней, творческое отношение к действительности», – так характеризовал он новый, европейский стиль жизни, усвоенный царем. Такой стиль жизни представлялся «разительным контрастом к прежнему средневековому быту России и ее правителей»³³, – отмечал он. По его словам, «Петр идентифицировал себя с новым, что соответствовало тогда западноевропейским стандартам в технологиях, в научных знаниях», но не с традиционными особенностями русской жизни «по

³⁰Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 19.

³¹Там же. С. 20.

³²Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. С. 189.

³³Там же. С. 195.

старине»³⁴. Но свой новый образ жизни, свое усвоение основ общеевропейской передовой культуры Петр I, как подчеркивал М. Б. Свердлов, предпринимал, испытывая «ответственность за славу и честь народа российского»³⁵. На примере царя, посвятившего всю свою жизнь преобразованию России по европейскому пути, М. Б. Свердлов вполне показал, как шло формирование человека Нового времени в условиях России. Но таким человеком был в его изображении Петр I, человек всё-таки нетипичный для условий России того времени, даже если брать очень узкую среду передовых дворян, стремившихся к усвоению начал европейской культуры. Поэтому, как представляется, М. Б. Свердлов скорее поставил вопрос о формировании в России человека Нового времени западноевропейской культуры, чем решил его, для этого необходимо обратить внимание на людей того времени, в том числе на «птенцов гнезда Петрова», о которых писал Н. И. Павленко.

Рассматривая вопросы истории и культуры средневековой Руси и новой России, выдающийся современный российский ученый М. Б. Свердлов выступал как историк, проводя комплексный анализ большого источникового материала и накопленной в ходе исследования этих вопросов историографии. Но вместе с тем труды его, содержащиеся в них положения и выводы дают основания для формулировки обоснованной точки зрения по вопросу о соотношении общего и особенного в отечественном прошлом, относящемуся к философии истории. М. Б. Свердлов показывает пример взвешенного отношения к решению этого сложного вопроса, с учетом как общих тенденций исторического развития, так и особенностей его в русских условиях. В этом состоит одна из причин интереса в современной отечественной исторической мысли и в исторической культуре к трудам ученого.

³⁴Свердлов М. Б. Историография, теория и практика изучения истории Руси VI–XIII вв. С. 198.

³⁵Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. С. 200.

Библиография

- Горемыкина В. И.* К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970.
- Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Ермолаев И. П.* Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань, 2004.
- Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.
- Капитанов С. М.* Московское царство и Запад: Историографические очерки. М., 2015.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988.
- Пашуто В. Т.* Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959.
- Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
- Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003.
- Свердлов М. Б.* Историография, теория и практика изучения истории Руси VI–XIII вв. Саратов, 2002.
- Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011.
- Фроянов И. Я.* Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.
- Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Сведения об авторе

Мининкова Людмила Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Средних веков и Нового времени Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (Россия). Область научных интересов: сюзеренно-вассальные отношения на Руси.
E-mail: lvmininkova@sfedu.ru

L. V. Mininkova

M. B. SVERDLOV ABOUT THE COMMON AND SPECIAL IN THE HISTORY OF THE RUS MIDDLE AGES

Annotation: This paper examines the views of M. B. Sverdlov on the history of Medieval Russia, first of all, from the point of view of the presence in its development of common and special features in relation to European countries. The author comes to the conclusion that M. B. Sverdlov demonstrates a balanced attitude to solving this complex issue, taking into account both general trends of historical development and its peculiarities in Russian conditions. And this is one of the reasons for the interest in modern Russian historical thought in the works of this scientist.

Keywords: M. B. Sverdlov, Kievan Rus, pre-Mongol period, feudalism.

References

- Goremykina V. I.* K probleme istorii dokapitalisticheskikh obshchestv (na materiale Drevnei Rusi) [On the problem of the history of pre-capitalist societies (based on the material of Ancient Russia)]. Minsk, 1970. (In Russian).
- Gurevich A. Ya.* Problemy genезisa feodalizma v Zapadnoi Evrope [Problems of the genesis of feudalism in Western Europe]. Moscow, 1970. (In Russian).
- Ermolaev I. P.* Stanovlenie Rossiiskogo samoderzhaviya. Istoki i usloviya ego formirovaniya: Vzglyad na problemu [The formation of the Russian autocracy. The origins and conditions of its formation: A look at the problem]. Kazan', 2004. (In Russian).

Kavelin K. D. Vzgl'yad na yuridicheskii byt drevnei Rossii [A look at the legal life of ancient Russia]. Kavelin K. D. Nash umstvennyi stroi. Stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury. Moscow, 1989. (In Russian).

Kashtanov S. M. Moskovskoe tsarstvo i Zapad: Istoriograficheskie ocherki [The Moscow Kingdom and the West: Historiographical essays]. Moscow, 2015. (In Russian).

Pavlov-Sil'vanskii N. P. Feodalizm v Rossii [Feudalism in Russia]. Moscow, 1988. (In Russian).

Pashuto V. T. Cherty politicheskogo stroya drevnei Rusi [Features of the political system of ancient Russia]. Novosel'tsev A. P., Pashuto V. T., Cherepnin L. V., Shusharin V. P., Shchapov Ya. N. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhnunarodnoe znachenie. Moscow, 1965. (In Russian).

Sakharov A. M. Goroda Severo-Vostochnoi Rusi XIV–XV vekov [Cities of North-Eastern Russia of the XIV–XV centuries]. Moscow, 1959. (In Russian).

Sverdlov M. B. Genezis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnei Rusi [Genesis and structure of feudal society in Ancient Rus]. Leningrad, 1983. (In Russian).

Sverdlov M. B. Domongol'skaya Rus': Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoi treti XIII vv. [Pre-Mongol Rus: Prince and Princely Power in Russia of the VI – first third of the XIII centuries]. St. Petersburg, 2003. (In Russian).

Sverdlov M. B. Istoriografiya, teoriya i praktika izucheniya istorii Rusi VI–XIII vv. [Historiography, theory and practice of studying the history of Rus of the VI–XIII centuries]. Saratov, 2002. (In Russian).

Sverdlov M. B. M. V. Lomonosov i stanovlenie istoricheskoi nauki v Rossii [Lomonosov and the formation of historical science in Russia]. St. Petersburg, 2011. (In Russian).

Froyanov I. Ya. Glavnye cherty sotsial'no-ekonomicheskogo stroya [The main features of the socio-economic system]. St. Petersburg, 1999. (In Russian).

Froyanov I. Ya. Kievskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii [Kievan Rus. Essays on socio-political history]. Leningrad, 1980. (In Russian).

About the author

Mininkova Lyudmila V., Doctor of History, Professor of the Department of National History of the Middle Ages and Modern Times of the Southern Federal University, Rostov-on-Don (Russia). Research interests: Overlord-vassal relations in Rus.

E-mail: lvmininkova@sfnu.ru